

Карданова Бэла Баубековна

РЕГИОНАЛЬНЫЕ И ЭТНИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ В КОЛЫБЕЛЬНЫХ ПЕСНЯХ КУБАНСКИХ НОГАЙЦЕВ

В статье рассматриваются колыбельные песни кубанских ногайцев, анализируются функциональное назначение, архитектура, художественные и музыкальные средства выразительности песен. Показана их глубинная связь с языческими верованиями тюркских народов и мусульманскими канонами. Выявляются региональные и индивидуальные черты. Обосновываются общность с аналогичными жанрами соседних народов, а также сохранность в них индивидуальных черт, создающих неповторимый этнический колорит.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/4-1/19.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 4(66): в 2-х ч. Ч. 1. С. 74-77. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

4. **Казанцева Л.** Содержание музыкального произведения в контексте художественной культуры: учебное пособие. Астрахань: ГП АО ИПК «Волга», 2005. 112 с.
5. **Мягкиева Н.** Исполнительская интерпретация музыки второй половины XX века: автореф. дисс. ... к. искусствоведения. М., 2010. 23 с.
6. **Некрасова К.** Раздумье [Электронный ресурс]. URL: <http://gorodzabytyhpoetov.jimdo.com/ксения-некрасова/> (дата обращения: 19.01.2016).
7. **Чередниченко Т.** Композиция и интерпретация: три среза проблемы // Музыкальное исполнительство и современность: сборник статей. М.: Музыка, 1988. Вып. 1. С. 43-68.
8. **Шульгин Д.** Годы неизвестности Альфреда Шнитке. М.: Деловая лига, 1993. 109 с.

THE SECOND PIANO SONATA BY MIKHAIL ZAICHIKOV: SPECIFICS OF PERFORMER'S INTERPRETATION

Kalashnikova Ol'ga Alekseevna
Voronezh State Institute of Arts
kalashnikovy.v.o@gmail.com

The article examines the issues devoted to the interpretation of music by the modern Voronezh composer M. Zaichikov. The performer's interpretation of the compositions of the second half of the XX century is closely associated with the modified composer's practice parameters manifesting themselves in the considerable extension of the range of artistic, technological, facture ideas. In the composer's Second Piano Sonata the interpreter's tasks involve the interpretation of the artistic content of the composition, the idea of which is revealed in the poetical epigraph; solving dramaturgic and compositional-structural tasks aimed to create the integrity and density of the three-part macro-sonata composition.

Key words and phrases: modern music; interpretation; piano sonata; M. Zaichikov; The Second Sonata.

УДК 398.8

Искусствоведение

В статье рассматриваются колыбельные песни кубанских ногайцев, анализируются функциональное назначение, архитектоника, художественные и музыкальные средства выразительности песен. Показана их глубинная связь с языческими верованиями тюркских народов и мусульманскими канонами. Выявляются региональные и индивидуальные черты. Обосновываются общность с аналогичными жанрами соседних народов, а также сохранность в них индивидуальных черт, создающих неповторимый этнический колорит.

Ключевые слова и фразы: региональный компонент; колыбельные песни; жанр; функциональное назначение; языческие обряды; ритуальная практика; тематика; композиция; средства выразительности.

Карданова Бэла Баубековна, к. искусствоведения, доцент
Карачаево-Черкесский государственный университет имени У. Д. Алиева
beka-09@yandex.ru

РЕГИОНАЛЬНЫЕ И ЭТНИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ В КОЛЫБЕЛЬНЫХ ПЕСНЯХ КУБАНСКИХ НОГАЙЦЕВ

Ногайцы (самоназвание «ногайка») – тюркоязычный этнос, для которого характерно дисперсное расселение в разных регионах Российской Федерации и за её пределами. Кубанскими ногайцами называют субэтнические группы ногайцев, проживающие на территории Северного Кавказа, основная их часть живет в Карачаево-Черкесии и Ставропольском крае.

За свою многовековую историю ногайцы создали уникальную музыкальную культуру, составной частью которой является песенный фольклор. Детские песни народа, включая «материнский» репертуар, исполняемый взрослыми, до сих пор не был предметом специального изучения. Можно назвать лишь отдельные работы автора данных строк: сборник детских народных песен, пословиц и поговорок «Как-как, каргалар» [4] и статью «Детские песни ногайцев» [3]. Неизученными остаются такие аспекты, как обрядовая приуроченность и функциональность, поэтика, музыкально-стилевые особенности детских песен и др. Это обстоятельство явилось основанием для написания данной статьи. В исследовании использованы экспедиционные материалы автора, собранные с 1976 по 2015 гг. в местах компактного проживания ногайцев на территории Карачаево-Черкесии и Ставропольского края.

На протяжении всего раннего детства ребенок воспринимает окружающий его звуковой мир, получающий свое воплощение в колыбельных песнях (бесик йырав). Их тексты и напевы соответствуют основному функциональному назначению – успокоению и усыплению ребенка. По времени создания они разнятся: одни имеют древнее происхождение, другие возникли относительно недавно.

Архаические колыбельные песни тесно связаны с языческими ритуальными практиками народа. По своей архитектонике они представляют собой чередование небольших по объему рефренов – баюкающих слов или словосочетаний «лавь-лавь», «айди-айди» (аналогичных русскому «баю-баю») или их производных, имевших, видимо, в прошлом заклинательное значение [11]:

*Лавь-лавь, лавь-лавь,
Лавь-лавь, балам.
Лавь-лавь, лавь-лавь,
Уйка, балам.*

*Баю-баюшки, баю-баюшки,
Баю-баюшки, малыш.
Баю-баюшки, баю-баюшки,
Засыпай, малыш.*

Композиция многих песен основана на обращении женщины (матери, бабушки, девочек-подростков) к ребенку со словами любви и нежности. Многовековая народно-исполнительская практика выработала наиболее употребительные в этом плане приемы художественной выразительности: ласкательные и уменьшительные слова, образные параллелизмы («юлдызым» – «звёздочка»), приемы идеализации («меним балам алтын шаш» – «мой малыш златовласый»).

Усыпляя ребенка, матери нередко использовали магию уподобления – обращались к явлениям природы, животным и птицам, призывая к ним ребенка [9]:

*Этти куьн де батарга,
Кетти куслар ятарга.
Сен де уйка, йылама,
Йылап мени кыйнама.*

*Солнце подошло к закату,
Птицы улетели на ночлег.
И ты засыпай, не плачь,
Плачем меня не тревожь.*

Другая функция песен – формирующая, направлена на физическое и духовное развитие детей. Описывая предполагаемые возрастные этапы, поступки, трудовую и профессиональную деятельность малыша, мамы многократно повторяли магические слова-заклинания, неосознанно материализуя и программируя его судьбу (первые шаги, первую речь, учебу в школе и т.д.) [13]:

*Аьдий-аьдий этер бу,
Оьсе-оьсе этер бу,
Оьсе-оьсе эткен сонь,
Апыл-тапыл басар бу.*

*Баю-баю сделает он,
Очень скоро вырастет он,
А как вырастет,
На ножки станет он.*

Колыбельные песни решали важную этнопедагогическую задачу, реализуемую, опять-таки, через песенные тексты. Несмотря на то, что слова песни ребенок еще не осмысливал, в них уже закладывались основы нравственно-эстетического и трудового воспитания, выработанные многовековой народной практикой. К наиболее значимым общественно-важным воспитательным принципам относятся моральные, которым уделялось большое значение с первых лет жизни ребенка [3, с. 150]:

*Ят кисидинь бир кылыгын
Уьйренип алма, акыллым.*

*Привычки плохого человека
Не перенимай, мой умница.*

Еще одна значимая функция колыбельных песен – защитная. Являясь частью обрядовых ритуалов, они наделялись магическими свойствами: охраняли детей от болезней, сглаза, порчи; помогали им вырасти здоровыми, счастливыми и смелыми. В текстах архаических колыбельных песен присутствуют распространенные в народе благопожелания, заговоры и обереги, уходящие корнями к мифологическим и анимистическим поверьям народа. Их разновидностью было пожелание, чтобы над головой младенца прокричала добрая птица; чтобы «быстрее развязались тесемки его люльки» [Там же, с. 151], символизирующее пожелание быстрого подрастания младенца:

*Байлаган бавым, бала, ышкынсын,
Басыннан бир аьруьв куслар кышкырсын.*

*Пусть тесемка, завязанная мной, развяжется,
Пусть над тобою добрые птицы прокричат.*

Аналогичные формулы встречаются в карачаевских колыбельных песнях [7, с. 52]:

*Бешигинги бауу, бала, йчхынсын,
Башынган огурулу кьаргьа кьычырсын.*

*Тесемка твоей люльки, дитя, пусть развяжется,
Пусть над тобою добрая ворона прокричит.*

Описывая карачаевский вариант этого пожелания, Р. К. Ортабаева пишет: «По древним народным поверьям, существовали добрые и злые вороны. Если над головой новорожденного прокричит добрый ворон, то жизнь его будет счастливой, и наоборот, если прокаркает злой ворон – жизнь предстоит трудная, полная горя и лишений» [Там же].

Пожелание ребенку вырасти мужественным и сильным закреплено в текстах многих колыбельных песен [13]:

*Окув-язув билген сонь,
Аскерге барар бу.
Аскерге барган сонь,
Явга кьыргын салар бу.*

*Научившись читать-писать,
На службу пойдёт он.
Пойдя на службу,
Врагов разгромит он.*

Подобные поэтические формулы, отражающие идеал могучего воина – защитника Родины, встречаются и в черкесских колыбельных песнях [5, с. 19]:

*Си щIалэри Iэхъуамбэ nIацэц,
Си щIалэри цэ nIацэрыуэц,
Зэуэмэ ар щремыуэхъу!
Зытехуэри иремыхъуж!*

*Мой мальчик крупнопалый,
Мой мальчик, крупными стрелами стреляющий,
Стреляя, да не промахнется!
В кого попадет, [тот] да не выживет!*

Самостоятельную группу составляют так называемые «сословные» колыбельные песни («бедняцкие» – «ярлыдын бесик йырлары», «байские» – «байдын бесик йырлары»), в которых обращаются к детям или выбирают их образы из разных сословий (богачей, бедняков, биев и др.) [12]:

*Ай касында бир юлдуз, ай баласы,
Алтын аяктан сув ишер бай баласы.
Куслар сарнап гуьл атар бав арасы,
Элден сайлап кыз алар бай баласы.*

*Рядом с месяцем – звезда – Луны ребенок,
Из золотой чаши воду пьет бая сыночек.
Птицы поют, цветы цветут в садах роскошных,
Из многих выберет достойную невесту бая сыночек.*

Содержание таких песен основано на противопоставлении, в понятной для ребенка форме, разных социальных групп [11]:

<i>Ханнын улы коьрипти, Кан туькире кетипти. Бийдин улы коьрипти, Басын шайкай кетипти. Ярлыдын улы коьрипти, Бек суьйинип кетипти.</i>	<i>Увидел сын хана, Плюнул кровью и ушёл. Увидел сын богача, Покачав головой, ушёл. Увидел сын бедняка, Обрадовавшись, ушёл.</i>
---	--

Схожие колыбельные песни с аналогичной (антикрепостнической) тематикой встречаются у черкесов [5, с. 19]:

<i>Лай щ҃ы, залымым и кьуэ! Лай щ҃ы, бзаджэжьым и кьуэ! Алыхьым укьимыгьэхьукІэ! Укьэхьумэ, жылэр уи шхыгьуэщ. Тэнэщейр зытегьуэгэн! Лай щ҃ы, бзаджэжьым и кьуэ!</i>	<i>Баю-бай, злодея сын! Баю-бай, самодура сын! Аллах не дай тебе вырасти! Вырастешь, село объедать будешь, Танашей пусть тебя оплачет! Баю-бай, самодура сын!</i>
--	---

Однако если у ногайцев были распространены полные песенные циклы, то у черкесов они единичны.

Тексты и напевы отдельных песенных образцов перешли (целиком или частично) из других фольклорных жанров (прибауток, игровых песенок, пестушек, благопожеланий и др.). Несмотря на то, что такие колыбельные исполнялись в момент усыпления ребенка, их содержание не связано с контекстом исполнения. Подобная диффузия во многом осложняет определение жанровой принадлежности песен [10]:

<i>Уйкла, балам, йылама, Сага нур шашылсын, балам. Дуньяга яхшылык куралып, Савлык болсын дуньямыз.</i>	<i>Засынай, малыш, не плачь, Пусть для тебя излучается свет, малыш. Всеми миру благо, Здоровья всеми миру.</i>
---	--

Приведенный образец текста состоит из двух семантических разделов: первая половина – заклинательное обращение матери к ребенку с различными пожеланиями (в данном случае идет реализация функции усыпления и оберега), вторая половина текста заимствована из традиционного ритуального благопожелания (тлек), исполняемого в иных жизненных ситуациях (опять-таки заклинательного характера).

Примером жанрового смешения являются колыбельные песни, в которых затронута тема труда, даны образы домашних животных («Ак бала») [13]:

<i>Ак бала, ак бала, Ак бузавды бак, бала. Ак бузавды бакпасань, Каймак сага йок, бала.</i>	<i>Белый малыш, белый малыш, Белого теленка паси, малыш. Белого теленка не будешь пасты, Сметаны тебе не будет, малыш.</i>
---	--

Композиция таких песен многострофная, причем каждой строфе посвящается один персонаж.

В реализации основной функции жанра важную роль играют как поэтические тексты, так и напевы колыбельных песен, на что направлены их элементы и средства выразительности: узкий диапазон, тихая динамика, мерный темп, ровная ритмика, плавные мелообороты, естественный тембр звучания, артикуляция в микст-овом регистре и др.

Итак, ногайские колыбельные песни многофункциональны, разнообразны по содержанию, композиции и средствам художественной и музыкальной выразительности. Большая их часть уходит корнями вглубь веков, к языческим верованиям и традициям тюркских народов, а также мифологическим представлениям и магическим суевериям ногайцев, незначительная часть песен заимствовала мусульманские каноны. Колыбельные песни имели много общего с аналогичными жанрами соседних народов, что обусловлено общетюркским и языковым компонентом (в случае с карачаевскими песнями) и региональной унификацией.

Список литературы

1. **Байбурин А. К.** Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 240 с.
2. **Калмыков И. Х., Керейтов Р. Х., Сикалиев А. И.-М.** Ногайцы. Черкесск, 1988. 232 с.
3. **Карданова Б. Б.** Детские песни ногайцев // Фольклор народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1991. С. 150-164.
4. **Карданова Б. Б.** Как-как, каргалар. Черкесск, 1989. 40 с.
5. **Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов** / под ред. Е. В. Гиппиуса. М.: Советский композитор, 1980. 223 с.
6. **Ногай халк йырлары** (Ногайские народные песни) / сост. С. А.-Х. Калмыкова. М., 1969. 216 с.
7. **Ортабаева Р. А.-К.** Карачаево-балкарские народные песни. Черкесск, 1977. 148 с.
8. **Полевые записи (далее – ПЗ) Кардановой Б. Б.** 1976 г. в ауле Бесленей Адыге-Хабльского района КЧАО. Инф. Хуранова Е. А., 1929 г. р.
9. **ПЗ Кардановой Б. Б.** 1976 г. в ауле Кизил-Юрт Хабезского района КЧАО. Инф. Булатукова М.-Х., 1900 г. р. Перевод Б. А. Карасова.
10. **ПЗ Кардановой Б. Б.** 1976 г. в ауле Кизил-Юрт Хабезского района КЧАО. Инф. Матакаева М. Х., 1929 г. р. Перевод Б. А. Карасова.
11. **ПЗ Кардановой Б. Б.** 1980 г. в ауле Икон-Халк Адыге-Хабльского района КЧАО. Инф. Карасова Е. Х., 1918 г. р. Перевод Б. А. Карасова.
12. **ПЗ Кардановой Б. Б.** 1980 г. в ауле Кобан-Халк Адыге-Хабльского района КЧАО. Инф. Баисова К.-Х., 1905 г. р. Перевод Б. А. Карасова.
13. **ПЗ Кардановой Б. Б.** 1981 г. в ауле Эркен-Юрт Адыге-Хабльского района КЧАО. Инф. Эльгайтарова А.-Х., 1934 г. р. Перевод Б. А. Карасова.

REGIONAL AND ETHNIC COMPONENTS IN LULLABIES OF THE KUBAN NOGAIS

Kardanova Bela Baubekovna, Ph. D. in Art Criticism, Associate Professor
Karachay-Circassian State University named after U. D. Aliev
beka-09@yandex.ru

In the article the lullabies of the Kuban Nogais are considered, the functional purpose, architectonics, artistic and musical means of songs expressiveness are analyzed. Their deep connection with the pagan beliefs of the Turkic peoples and Muslim canons is shown. The regional and individual characteristics are identified. The author also grounds commonness with the similar genres of neighboring peoples, as well as the preservation in them of individual features creating a unique ethnic color.

Key words and phrases: regional peculiarities; lullabies; genre; functional purpose; pagan rites; ritual practice; themes; composition; means of expressiveness.

УДК 392.1

Искусствоведение

В статье рассматриваются обычаи и обряды кубанских ногайцев, связанные с рождением и первыми месяцами жизни ребенка. Анализируются основные этапы родильного цикла в контексте социальной и ритуальной функций, выявляются их региональные (общекавказские) и индивидуальные (этнические) свойства. Делается предположение, что изменения обусловлены длительным проживанием данной субэтнической группы в соседстве с другими северокавказскими народами, а также региональной унификацией и общими процессами глобализации.

Ключевые слова и фразы: региональные черты; этническая специфика; социальная и ритуальная функции; община; защитная магия; обряд; обычай; цикл; этапы; запреты и рекомендации; обереги.

Карданова Бэла Баубековна, к. искусствоведения, доцент

Гагуа Лейла Ахмедовна

Карачаево-Черкесский государственный университет имени У. Д. Алиева
beka-09@yandex.ru

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ И ЭТНИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ
В РОДИЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ КУБАНСКИХ НОГАЙЦЕВ**

Родильная обрядность относится к начальному этапу временного пространства человека. Данная область семейно-бытовой жизни кубанских ногайцев, проживающих в Карачаево-Черкесской Республике, изучена менее других. Исключение составляют публикации ногайского этнографа Р. Х. Керейтова [2] и молодого исследователя А. А. Черкесовой [13], в которых описывается родильная обрядность кубанских ногайцев в контексте других ногайских субэтнических групп – кумских, степных и астраханских ногайцев-карагашей. Ими рассматривается преимущественно этнографический аспект этого жизненного цикла: ритуальные действия, совершаемые при рождении ребенка, народная терминология обрядовых циклов и т.д. Ценность работ указанных авторов заключается, помимо всего, в достоверности сведений, полученных от носителей данной культурной традиции.